

Издательство Иркутского национального исследовательского технического университета

Редакционная коллегия

АФАНАСЬЕВ А.Д., доктор физико-математических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета, главный редактор (Россия)

ПЕШКОВ В.В., доктор экономических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета, зам. главного редактора (Россия)

АЗАРОВ В.Н., доктор технических наук, профессор Московского института электроники и математики Национального исследовательского университета Высшей школы экономики (г. Москва, Россия)

БАЖИН В.Ю., доктор технических наук, профессор Национального минерально-сырьевого университета "Горный" (г. Санкт-Петербург, Россия)

БАХМУТОВ С.В., доктор технических наук, профессор ФГУП "НАМИ" (г. Москва, Россия)

БОРОВИКОВ Ю.С., доктор технических наук, проректор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия)

ВИСЯЩЕВ А.Н., кандидат технических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)

ВОРОПАЙ Н.И., член-корреспондент РАН, директор Института систем энергетики СО РАН (г. Иркутск, Россия)

КРИТСКАЯ Т.В., доктор технических наук, профессор Запорожской государственной инженерной академии (Украина)

ПАНТЕЛЕЕВ В.И., доктор технических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)

ПЕТРОВ А.В., доктор технических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)

ПОДЛЕСНЫЙ С.А., кандидат технических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член Международной академии наук высшей школы, советник ректора Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)

ПУЛЯЕВСКАЯ О.В., кандидат психологических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Россия)

СИТНИК ЛЕХ ЕЖИ, доктор - инженер, профессор, заведующий кафедрой Транспортной техники Вроцлавского политехнического университета (Польша)

СТЫЧИНСКИ С.А., профессор Университета Отто-фон-Герике (г. Магдебург, Германия)

ТИХОМИРОВ А.А., доктор экономических наук, профессор университета ИНХА (г. Инчон, Республика Корея)

ХАО ДУНХЭН, профессор, ректор Шицзячжуанского Экономического Института (Китай)

ШОЛЬТЕС БЕРТХОЛЬД, директор института металловедения Кассельского университета (Германия)

ЯЗИКОВ Е.Г., доктор геолого-минералогических наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия)

Журнал основан в 1997 г.

Периодичность издания - ежемесячно

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство ПИ №ФС77-47902 от 22 декабря 2011 г.

Учредитель Иркутский национальный исследовательский технический университет

Подписной индекс в каталоге
Агентства "Почта России" - 38237

Адрес редакции:
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. Д-215
e-mail: ppg@istu.edu

ление личности происходит как самоопределение в образовательном поле при сохранении различных степеней свободы.

Главным действующим лицом в образовательном процессе становится личность обучающегося. Она рассматривается как уникальная целостная гуманитарная система, способная обучаться сама, ориентируясь на собственные мотивы, чувства, интересы, потребности, возможности. Таким образом, образование из процесса усвоения знаний, умений и навыков превращается в процесс изменения внутреннего эмоционально-когнитивного опыта учащегося, напрямую связанного со всей его неповторимой индивидуальностью. «Личность не растворима в обстоятельствах, не является их простым следствием. У личности наличествуют собственные константы – устойчивая духовная структура, уровень ее развития. В них причина того,

что сама личность задает и уровень, и характер собственного становления» [4].

С другой стороны, поскольку человек, как утверждает К. Роджерс, «... неизлечимо социален; он имеет глубокую потребность во взаимоотношениях» [5], с позиций ЛЦП признается значение и роль факторов, влияющих на развитие личности со стороны социума, и прежде всего со стороны других людей. Таким образом, цель ЛЦП «заключается в фасилитации личностного роста не в изоляции от внешнего мира, не в обстановке социальной депривации, а в условиях живой и конкретной микро- и макросреды» [2].

Итак, можно прийти к выводу, что построение процесса обучения иностранным языкам на основе личностно-центрированного подхода создает необходимые условия для интенсификации обучения.

Статья поступила 18.09.2015 г.

Библиографический список

1. Мачнева В.В. Методы критического мышления в процессе интенсификации обучения иностранному языку в университете // Материалы междунар. конф. «Формирование иноязычной компетенции в свете социального заказа». Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2001. С. 106–108.
2. Подлинная О.Л., Федотова Е.Л., Косогова А.С. Некоторые подходы к проблеме становления личности в педагогике: учеб. пособие. Иркутск: ИГПУ, 1997. 72 с.
3. Рыбакова Е.В. Интенсификация обучения иностранному языку в вузе как педагогическая проблема // Материалы Межвузовской науч.-практ. конф. Иркутск, 2008. С. 117–127.
4. Рыбакова Е.В., Иванцова Н.А. Сущность и содержание личностно-центрированного подхода в образовании // Вестник ИрГТУ. 2011. № 1 (48). С. 314–319.
5. Rogers C.R. Freedom to learn for the 80's. Columbus, Toronto, London, Sydney: Charles E. Merrill Company, A Bell & Howell Company, 1983. 312 p.

УДК 903.7

СЕВЕРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ ИМПЕРИИ ЛЯО

© А.В. Харинский¹

Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В начале X в. в долине р. Ляохе происходит усиление племенной конфедерации киданей, предводитель которых в 916 г. принял титул императора. После завоевания значительной части Центральной Азии, королевства Бохай и северокитайской империи Поздняя Цзынь киданьский император переименовал свое государство в Великое Ляо (947–1125). В конце X в. кидани начали укреплять свое северное пограничье, усиливая защиту империи от набегов кочевников. В северо-западной части государства в долине рек Тола и Керулен были построены городища, заселенные военными и гражданским населением, которое должно было снабжать армию всем необходимым. На северной границе империи был сооружен вал, протяженность которого в настоящее время составляет 731 км. К югу от вала располагались небольшие укрепленные заставы. Городища-заставы перекрывали участки местности, удобные для продвижения противника, и сдерживали его перемещение вглубь территории империи Ляо.

Ключевые слова: Монголия; Забайкалье; кидани; империя Ляо; фортификация; урбанизация.

NORTHERN FRONTIER OF THE LIAO EMPIRE

A.V. Kharinskii

Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia.

In the beginning of X century in the valley of the Liaohe river the Qidan tribal confederation whose leader in 916 took the title of the Emperor strengthened. After the conquest of the large part of Central Asia, the Bohai Kingdom and the Northern Chinese empire of the Later Jin, the Qidan emperor renamed his country in the Great Liao (947–1125). In the end of X century, Qidans began to fortify their northern frontier strengthening the empire protection from nomad raids. In the northwestern part of the state in the valley of the rivers Tola and Kerulen they built settlements inhabited by military and

¹Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, тел.: 89149002144, e-mail: kharinsky@mail.ru

Kharinskii Artur, Doctor of History, Professor of the Department of History and Philosophy, tel.: 89149002144, e-mail: kharinsky@mail.ru

civilian population who was to supply the army with everything necessary. The wall was built on the northern border of the empire. Its length now is 731 km. Small holdfasts were located to the south of the wall. Holdfasts-settlements blocked the sites suitable for enemy advance and hindered the onrush up the territory of the Liao Empire.

Keywords: Mongolia; Transbaikalia; Qidan; Liao empire; fortification; urbanization.

Введение

В начале X в. в долине р. Ляохе (южный Дунбэй) происходит усиление племенной конфедерации киданей. Глава конфедерации имел титул цзуу кэхан (каган) и избирался всеми кочевьями. В 907 г. один из племенных вождей, Абаоцзы, отстранил от власти кагана из ослабевшего рода Яонянь. Став новым правителем, Абаоцзы сделал свой род Елюй правящим в киданьской конфедерации. В 916 г. он принял титул императора, утвердил девиз правления («Шэнь-цэ») и назначил наследником престола своего сына Туюя. С этого времени империя стала именоваться «государством киданей» (Цинданы-го) [7, с. 32]. Второй киданьский император Елюй Дэгуан (926–947 гг.) после разгрома империи Цзинь в 947 г. переименовал свое государство в Великое Ляо (947–1125), принял новый девиз правления и новый календарь.

Вследствие активной завоевательной политики владения киданей стремительно разрастались. В 916 г. Абаоцзы нанес поражение ряду тюркских племен, включая тюрк шато. В 924 г. его войска подошли к бывшей столице Уйгурского каганата на р. Орхон, где он приказал соскоблить надпись с древней каменной стелы в честь уйгурского Бильге-кагана и заменить ее надписью о своих деяниях [28, с. 576]. С этого времени кидани закрепились в степях Центральной Азии, рассматривая Монголию в качестве отдельного и малозначительного региона. Они завоевали степь лишь для того, чтобы избавиться от граничивших с ними опасных соперников [1, с. 265]. Направляя свои войска на восток и юго-запад, империя киданей вскоре стала одним из сильнейших государств в регионе. В период наибольшего расцвета ее территория простиралась от подножия Монгольского Алтая на западе до р. Уссури на востоке и от Желтого моря на юге до р. Аргунь на севере.

Для контроля над завоеванными в Центральной Азии районами кидани построили целую серию опорных пунктов, состоящую из городов, защищенных застав и пограничного вала. В 994 г. кидани под предводительством Хулянь, двоюродной бабки императора Шэн-цзуна, на месте бывшего уйгурского города Кэду-ня восстановили киданьский город Чжэньчжоу. В 1004 г. сюда отправили для несения воинской службы 20 тысяч киданьских всадников, а для обеспечения их продовольствием – 700 семей бохайцев, чжурчженей и ханьцев, которые были расселены в окружном центре Чжэньчжоу и подчиненных ему городах Фаньчжоу и Вэйчжоу. Местные кочевники периодически совершали нападения на приграничные города. Один из таких набегов был предпринят в 1013 г. даданями, державшими киданей в осаде больше месяца [7, с. 48].

Крупные города киданей располагались в самой отдаленной, северо-западной, части империи, в долинах рек Тола и Керулен. Они являлись военно-

административными и ремесленно-земледельческими центрами, снабжавшими киданьский воинский контингент всем необходимым. В восточной части Монголии и на территории Барги киданями не были построены крупные города. Здесь известны лишь небольшие опорные пункты, выполнявшие роль застав. Отсутствие в этой части Центральной Азии крупных ремесленно-земледельческих центров, вероятно, связано с их близостью к юго-восточной – наиболее развитой в аграрном и ремесленном отношении – части империи. Поставка в эту часть степи всего необходимого для содержания киданьской армии была не столь обременительной, как снабжение отдаленных контингентов в долине Толы. Сложности снабжения продукцией земледелия и ремесла северо-западного района империи побудили киданей перевести свои войска, расквартированные в Центральной Монголии, на самообеспечение. С этой целью в наиболее отдаленной части империи Ляо были построены города, заселенные выходцами из ее земледельческих районов, в том числе с территории бывшего королевства Бохай [23], которые и должны были поддерживать обороноспособность армии.

Письменные источники, повествующие о северном пограничье империи Ляо, не дают четкого представления о контролируемой киданями территории и о способах ее защиты. Дополнить недостающие сведения о центральноазиатских владениях империи могут археологические материалы, количество которых в последние годы значительно пополнилось. Они включают как данные раскопок киданьских городищ, так и сведения, полученные в результате разведочных работ, которые сопровождалась топографической съемкой и замером различных фортификационных объектов, а также сбором на их территории подъемного материала.

Северо-западные города империи Ляо

В настоящее время в долине реки Тола известно несколько киданьских городищ, отличающихся по своим размерам: крупные городища; городища небольших размеров, а также обнесенные валами усадьбы [29]. Самым западным из четырех крупных городов является Харбух-Балгас (рис. 1), имеющий квадратную форму и ориентированный почти по сторонам света. Длина западного вала городища – 690 м, восточного – 760 м, северного – 660 м, южного – 670 м. Городище пересечено крест-накрест двумя улицами. В середине каждого из валов есть ворота. На северном и южном валах имеется по шесть башен, на западном и восточном – по семь башен. С 30-х гг. XX в. до начала XXI в. на городище проводились археологические исследования [6, с. 371; 5, с. 95–96; 11; 12, с. 61; 21; 2; 15; 29]. Полученные в их результате находки представлены преимущественно культурными остатками двух периодов – X–XI вв. и XVI–XVII вв.

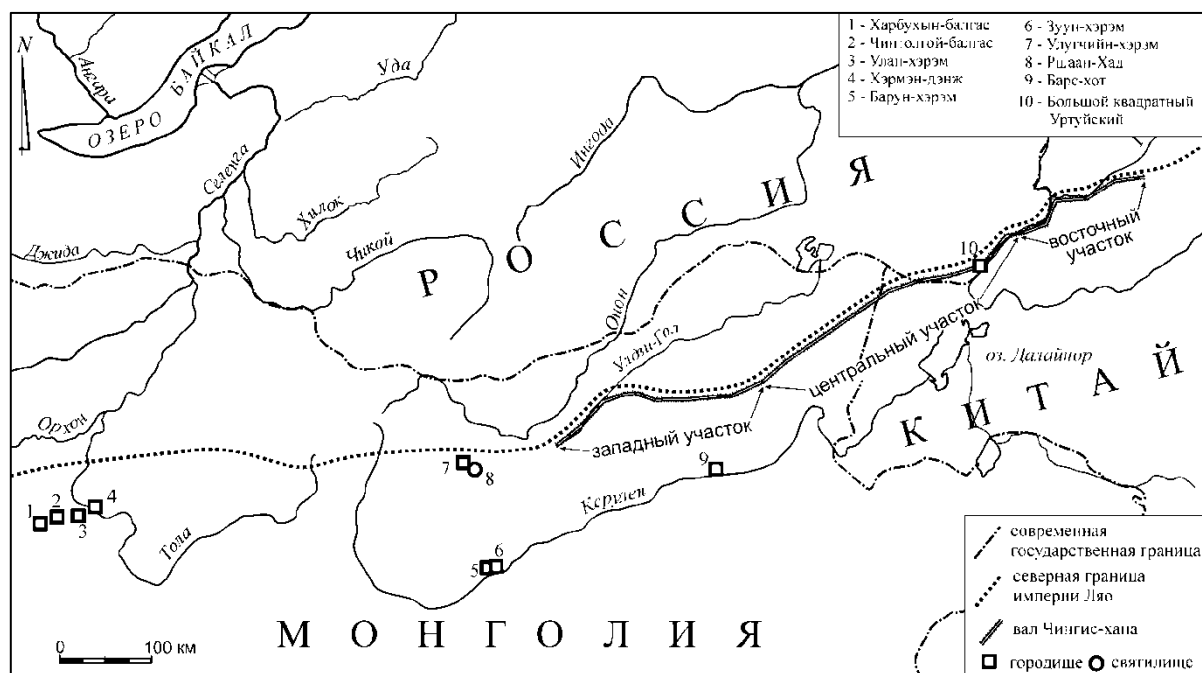

Рис. 1. Северное пограничье империи Ляо

Городище Чинтолгой-балгас находится в 26 км к востоку от Харбух-балгаса. Оно прямоугольной формы, размер – 1256 x 655 м. Городище окружено двумя валами и рвом между ними. Высота вала – 3–5 м, ширина – до 35 м; глубина рва – 0,5 м, ширина – 3–4 м. Вал был сооружен традиционным для китайского градостроительства методом ханту – насыпкой земли слоями и их последующей утрамбовкой. Высота внешнего вала – до 0,5 м, ширина у основания – 3–4 м. На городище есть угловые башни. Кроме них на каждой стороне имеются фронтальные башни, выступающие наружу вала: на северном валу – шесть башен, на южном валу – пять башен, на западном и восточном валу – по десять башен. Археологические исследования на городище начали проводиться в середине прошлого века [6, с. 371; 5, с. 96–97; 30, с. 56–57; 12, с. 55–56; 10]. С 2004 по 2008 гг. на нем работала российско-монгольская экспедиция [3]. С 2006 по 2011 гг. исследования на памятнике велись японско-монгольской экспедицией [27, 24, 25, 32, 31].

Городище Улан-хэрэм находится в 23 км к востоку от городища Чинтолгой-балгас. Оно прямоугольной формы, ориентировано углами примерно по линиям СЗ–ЮВ и СВ–ЮЗ. Городище защищено двумя валами и рвом, расположенным между ними. Длина северной стороны – 480 м, южной – 480 м, восточной – 540 м, западной – 550 м. Высота внутреннего, основного, вала – 3–6 м, ширина в основании – около 20 м, верху – 2–3 м. На городище трое ворот с Г-образным захобом, которые находятся по центру западного, южного и восточного валов. На северном, западном и восточном валах расположено по пять башен, на южном – четыре [12, с. 61; 29; 30, с. 67].

Городище Хэрмэн-дэнж находится в 10 км к востоку от Улан-хэрэма, на левом берегу р. Тола. Оно состоит из нескольких сооружений. Форма основного городища – неправильная трапеция, в которой север-

ный и южный валы ориентированы точно в широтном направлении. На городище имеется семь сильно выдвинутых наружу башен и одна небольшая башня. Памятник разделен внутренним валом на северную и южную части. Между ними находятся ворота. Длина западного вала составляет 534 м, восточного – 538 м, северного – 328 м, южного – 520 м. Высота валов – 4–10 м, ширина – 25–30 м. Снаружи имеется ров. По всей видимости, при строительстве вала был сооружен деревянный короб, который был заполнен плотно утрамбованными слоями земли (по 15–20 см). Единственные ворота находятся на юге. В этом месте вал имеет П-образную форму, заглубленную вовнутрь городища. С запада к городищу пристроен посад, окруженный невысоким валом. С 2010 г. на городище работает российско-монгольская археологическая экспедиция [29, 13, 14].

На территории Хэмэн-дэнжа, вероятно, первоначально располагался уйгурский город Тогу. В 994 г. кидани восстановили его, а в 1004 г. на другой стороне реки для контроля над всей долиной построили три города. Самый крупный из них, Чжэньчжоу, соответствует городищу Чинтолгой-балгас, а города Фанчжоу и Вэйчжоу – Харбухын-балгасу и Улан-хэрэму [3, с. 164]. О принадлежности городищ в долине Толы киданям свидетельствуют керамические сосуды, обнаруженные на них.

Киданские керамические сосуды хорошо диагностируются. Они выполнены на гончарном круге из серой мелкозернистой глины с примесью мелких частиц камня. Тулово и плечики сосудов орнаментированы роликовым штампом (клиновидные и прямоугольные насечки), так называемым гребенчатым орнаментом. Подобная керамика была обнаружена и на двух городищах в западной части долины Керулена – Зуун-хэрэме и Баруун-хэрэме. Городище Зуун-хэрэм представляет собой почти правильный прямоугольник,

ориентированный с небольшим отклонением по сторонам света. Длина его северного вала – 425 м, южного – 428 м, восточного – 510 м, западного – 498 м. Имеются трое ворот с Г-образным захабом, по одному с западной, южной, восточной сторон. На каждом валу располагается по несколько башен, выступающих наружу [10; 12, с. 56–58].

Городище Баруун-хэрэм находится в 2 км к юго-западу от первого. Оно почти квадратной формы и ориентировано с небольшим отклонением по сторонам света. Длина северного вала – 807 м, южного – 806 м, западного и восточного – по 811 м. На каждом валу и по углам городища имеются башни [12, с. 58].

В средней части долины р. Керулен находится городище Барс-хот-1. Рядом с ним располагается кирпичная пагода. Возможно, по причине нахождения рядом пагоды это городище традиционно относили к эпохе киданей. Размеры и планировка городища, а также отсутствие на его территории киданьской керамики позволяют отнести его к монгольскому времени [3, с. 13].

Значительно отличается от большинства киданьских городищ Монголии горное городище Углугчийн-хэрэм, расположенное на южном склоне горы Дайчин, в долине р. Хурхын-Гол (правый приток р. Онон). Оно неправильной формы, соответствующей рельефу местности. Стены городища сложены из камня. Их общая длина составляет 950 м. Обнаружение на городище киданьской керамики позволяет датировать его XI–XII вв. [7, с. 310; 12, с. 61; 30, с. 80].

Кроме как на городищах, находки киданьской керамики встречаются и на других типах памятников. Один из них, Ршаан-Хад, расположен под одноименной скалой в долине р. Хурхын-Гол, в 10 км к юго-востоку от городища Углугчийн-хэрэм. Вероятно, на протяжении длительного периода площадку у подножия скалы считалась сакральной территорией. На ней производились подношения духам местности, совершались ритуальные трапезы и гадания на костях. В 1980 и 1981 гг. на сакральной площадке проводились раскопки, в ходе которых получена коллекция находок, включающих и киданьскую керамику, а именно фрагменты сосудов серого цвета, орнаментированные полосами вертикальных вдавлений, нанесенных штампом. Вероятно, сосуды имели плоское дно, расширяющееся тулово, широкую горловину и скошенный венчик [20].

Северный вал

Основными опорными пунктами, используемыми киданями для обороны подвластных территорий, были многочисленные пограничные заставы [1, с. 265], значительная часть которых была сосредоточена возле вала, проходившего вдоль северной границы империи и известного под названием Северного вала Чингисхана. Его протяженность – 731 км. Он проходит по территории Монголии, России и Китая. Небольшие разрывы вала, скорее всего связанные с природными и современными антропогенными факторами, большого влияния на целостность его восприятия не оказывают.

В 1994–1995 гг. археологической экспедицией под руководством И.И. Кириллова на российском участке вала у пос. Забайкальска заложено пять траншей. На разрушенных участках вала и в траншеях исследователями найдены отдельные фрагменты сероглиняной керамики с пунктирно-штриховой орнаментацией, зубы и кости животных, а в траншее № 3 – железный гвоздь. Такие же находки, но более многочисленные (керамика, фрагменты костей рыб и животных, обломки раковин и кремня, отдельные металлические вещи), найдены на прилегающих к валу городищах. Обнаруженная во время раскопок вала и городищ керамика типично киданьская, что позволило И.И. Кириллову и Е.В. Ковычеву увязать их в единую оборонительную систему, созданную в период существования киданьской империи. «Это был настоящий пограничный рубеж, предназначенный для защиты северных границ государства Ляо от нападений северных кочевых племен Монголии и Забайкалья. Городки выполняли при этом роль сторожевых застав, располагались с южной стороны вала, в 1–1,5 км от него (Куладжийский городок располагался в 6 км к югу) и перекрывали выходы наиболее широких долин с ручьями через каждые 15–20 км» [4, с. 250].

В 2008–2009 гг. экспедицией под руководством Н.Н. Крадина предпринято обследование российского участка вала и расположенных вдоль него городищ. На четырех из них проведена инструментальная топо съемка. Вблизи пос. Забайкальска обнаружено неизвестное ранее Бугутурское городище [8, 26]. Очередные археологические работы вдоль российского участка вала предприняты в 2013 г. Проведена инструментальная топографическая съемка на Большом квадратном Уртуйском городке, Большом и Малом Цынкырских городках, Большом и Малом Коктуйском городках. На Большом квадратном Уртуйском городке заложена траншея размером 1 x 4 м и шурф 2 x 2 м [9]. В 2012 и 2013 гг. российско-монгольской экспедицией, возглавляемой Н.Н. Крадиным, проводились археологические исследования вдоль вала Чингисхана на территории Монголии. Был осмотрен весь монгольский участок вала и расположенные вдоль него городища [22].

Северный пограничный вал империи Ляо (вал Чингисхана) начинается в 450 м к западу от озера Холбо-Нур. Возможно, первоначально он продолжался еще дальше в юго-западном направлении, но в настоящее время территория между озером Холбо-Нур и р. Сайхны-Хундий распахана, и следы вала здесь не фиксируются. От озера вал на протяжении 64 км идет в северо-восточном направлении по долине р. Улдзи-Гол, минуя город Наровлин, в 20 км от которого меняет свое направление на восточное. На протяжении следующих 153 км вал сохраняет восточное направление. Недалеко от озера Баян-Эрхэт-Нур, у подножья хребта Баян-Эрхтийн-Нуру, он плавно отклоняется на северо-восток. Следуя в северо-восточном направлении, вал пересекает железную дорогу Соловьевск – Чойбалсан в 15 км южнее станции, носящей название «Вал Чингисхана», огибает с севера озеро Хара-Нур и переходит через государ-

ственную границу Монголии с Китаем в пограничной точке № 635. На протяжении 60 км вал тянется по территории Китая и после точки, где установлен пограничный маяк № 60, находящейся непосредственно на валу, продолжается в пределах Российской Федерации.

На территории России вал следует в северо-восточном направлении. В районе пос. Кайластуй он выходит на берег Аргуни, вдоль которой идет вплоть до пос. Капчагайтуй, где обрывается, переходя на правый берег р. Аргунь на территорию Китая. По правому берегу р. Аргуни вал продолжается в северо-восточном направлении до г. Хэйшаньтоу, расположенного в 14 км к юго-востоку от устья р. Гэньхэ, где снова меняет свое направление на восточное, следуя вдоль левого берега р. Гэньхэ. Он проходит через г. Лабудалинь и заканчивается на левом берегу р. Кулихэ (левый приток Гэньхэ), недалеко от г. Шанкули.

В юго-западной части вал Чингисхана имеет ширину 4–10 м, высоту 0,5–1,0 м. Современная высота российского участка вала Чингисхана достигает 1,0–1,5 м, ширина – 9–15 м. К северу от вала фиксируется ров шириной 3,2 м, глубиной 0,3 м. Через определенные промежутки на насыпи вала фиксируются небольшие возвышения, придающие его верхней линии волнообразность. Сверху они напоминают оплывшие контуры каких-то платформ или баз, возможно использовавшихся для установки и укрепления дополнительных наземных сооружений. Ими могли быть опорные столбы-стойки, связанные между собой поперечными жердями или бревнами. Условно эти сооружения были названы башнями. На юго-западной оконечности вала они располагаются на расстоянии 250 м друг от друга. Их размер поперек вала составляет 4,1–8 м, размер вдоль вала – 3–6 м, высота – 0,7–0,8 м. На некоторых участках башни располагаются с двух сторон от проходов, перерезающих вал. Ширина проходов – 3,0–4,7 м.

К юго-востоку от вала локализуются городища – пограничные заставы киданей. К настоящему времени выявлено 50 городищ, 9 из них зафиксировано на российском участке вала. По форме городища можно разделить на несколько типов. Тридцать четыре городища – четырехугольные (рис. 2 а, б), семь – круглые (рис. 2, в), семь – круглые с вписанным внутрь четырехугольным редутом (рис. 2, г) и два – четырехугольные с внутренним четырехугольным редутом.

Особенности расположения городищ позволяют разделить Северный вал Чингисхана на три участка – западный протяженностью 266 км, центральный длиной 336 км и восточный длиной 129 км. Вдоль западного участка располагаются только четырехугольные городища, находящиеся на расстоянии 8–10 км друг от друга и на расстоянии 0–860 м от вала. Размеры городищ составляют 32–47 х 36–49 м. Со всех сторон они окружены валом. Его высота – 0,5–2,3 м, ширина – 10–13 м. С южной или восточной сторон городища в валу имеется проход. Ширина прохода – 4,0–6,5 м. За валом городища располагается ров. Его глубина – 0,2–1,0 м, ширина – 3–10 м. Всего вдоль западного участка локализуется 21 городище.

Вдоль центрального участка вала располагаются группы из 2–3 городищ, которые находятся на расстоянии 0,04–2,5 км друг от друга. Они имеют четырехугольную (рис. 1–1, 2), круглую (рис. 1–3) или комбинационную форму, когда четырехугольный редут вписан в круг (рис. 1–4) или четырехугольник. Городища окружены стеной, снаружи которой располагается ров. Встречаются большие и малые квадратные городища. Размер малых городищ составляет 26 х 27 и 45 х 46 м. Размеры больших квадратных городищ – от 95 х 105 до 123 х 123 м. Диаметр круглых городищ – 160–200 м. Расстояние от городищ до вала – 0–5,4 км, между отдельными группами городищ – 22–30 км. Вдоль центрального участка зафиксировано 25 городищ.

Вдоль восточного участка располагаются четыре городища: два круглых с вписанными внутрь четырехугольными редутами и два четырехугольных. Диаметр комбинационных городищ – 110 и 125 м. Они встроены внутрь вала Чингисхана. Размер четырехугольных городищ – 43 х 43 и 50 х 50 м. Они располагаются на расстоянии 95 и 140 м от вала.

Во время осмотра на некоторых городищах, расположенных вдоль вала Чингисхана, обнаружена керамика киданьского типа. В западной части вала керамика найдена на городище Шинэ Булгийн Айраг. Она представлена фрагментом тулова сосуда, украшенного роликовым штампом с прямоугольными короткими насечками (рис. 3 – 22). На городище Дэлгэр Нур найдены фрагменты тулова сосудов, орнаментированные роликовым штампом с прямоугольными насечками (рис. 3 – 1–4, 6–8), на городище Мэлхийн Булак – с прямоугольными широкими короткими (рис. 3 – 23) и длинными узкими насечками (рис. 3 – 24). В восточной части вала на круглом городище Их-Булак-1 обнаружены фрагменты тулова сосудов, украшенные роликовым штампом с прямоугольными короткими насечками (рис. 3 – 19–21), а также фрагмент тулова сосуда с продольными широкими желобками, образованными в результате заглаживания. На квадратном городище Их-Булак-2 собраны фрагменты тулова сосудов, орнаментированные роликовым штампом с прямоугольными короткими (рис. 3 – 25) и длинными насечками (рис. 3 – 26). На круглом городище Хэрэмтийн-3 найден фрагмент верхней части сосуда с круглым венчиком, отогнутым наружу (рис. 3 – 10). Кроме этого, собраны фрагменты тулова сосудов, украшенные роликовым штампом с прямоугольными длинными (рис. 3 – 5, 13, 14) или клиновидными (рис. 3 – 11, 17) насечками. Найден один фрагмент, орнаментированный сочетанием прямоугольных длинных и клиновидных насечек (рис. 3 – 9). Выявлены три фрагмента керамики, украшенные прочерченными горизонтальными линиями (рис. 3 – 12, 15, 16).

В ходе раскопок, предпринятых в 2013 г. на Большом квадратном Уртуйском городке, выяснилось, что во время строительства внутреннее пространство городища, огороженное фортификационными сооружениями, выравнивалось. С этой целью на нем до уровня плотного желто-бурого суглинка снимался верхний слой земли – дерн и подстилающие его гумусирован-

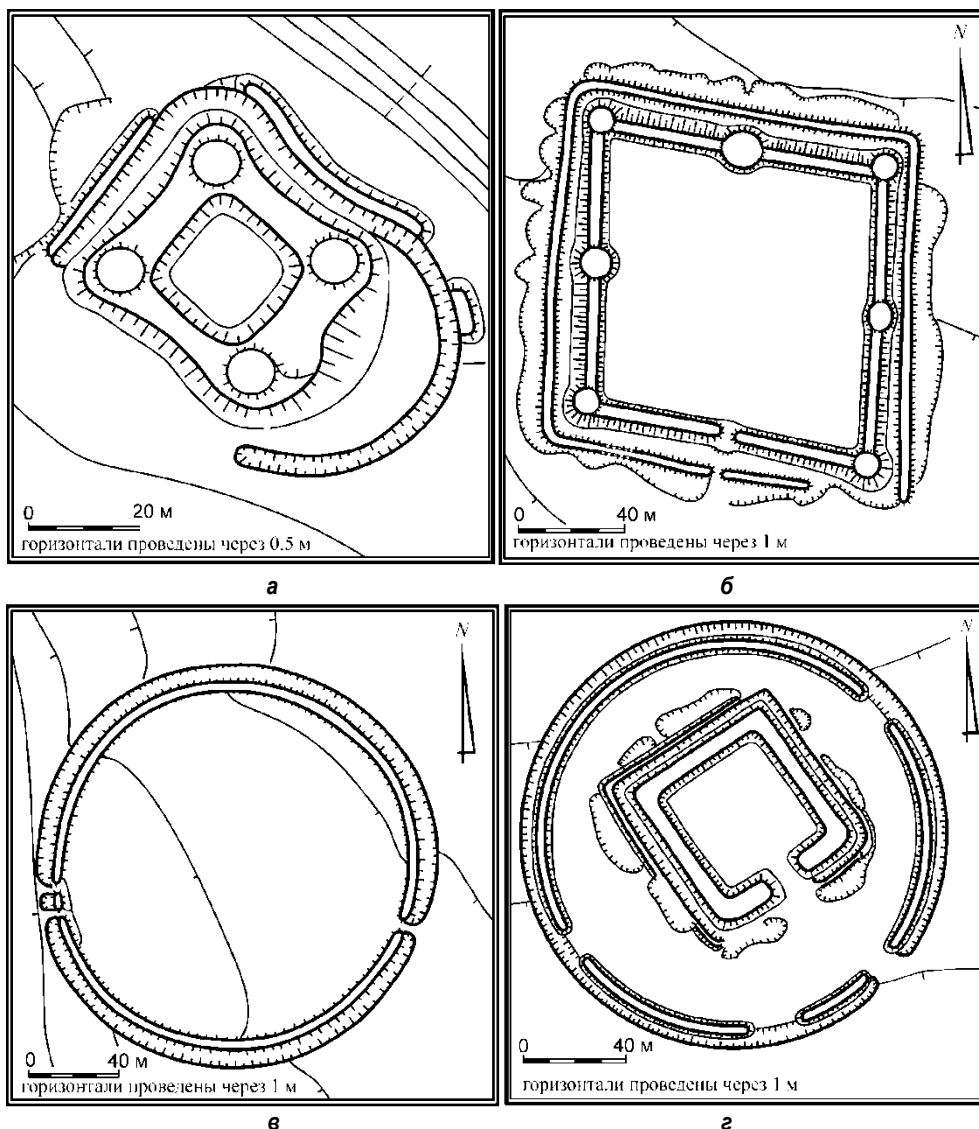

Рис. 2. Городища, расположенные вдоль вала Чингисхана: а – Малый Коктуйский городок; б – Большой квадратный Уртуйский городок; в – Большой Уртуйский городок; г – Большой Коктуйский городок

ные отложения. После этого его засыпали слоем белой пылевой супеси, над которым насыпалась прослойка черного суглинка с мелкими камнями и древесной. Со временем над слоем подсыпки формировались гумусосодержащие отложения. Подобная подсыпка, окруженная валами внутренней площадки, зафиксирована и на других городищах, расположенных вдоль северного пограничного вала киданей.

Объяснить наличие у городищ, расположенных вдоль вала Чингисхана, разных форм и размеров на нынешнем уровне исследований достаточно сложно. Возможно, встречаемое среди них морфологическое разнообразие связано с различием в функциональном назначении этих сооружений или обусловлено разновременностью их постройки, что можно будет выяснить лишь в ходе дальнейших исследований.

Заключение

Основываясь на расположении городищ и фортификационных сооружений киданей, к настоящему времени уже достаточно уверенно можно провести северную границу империи Ляо. Ее северо-западные

пределы определяются серией крупных городищ, являвшихся ремесленными, сельскохозяйственными, административными и военными центрами. Находясь вдали от центра империи, их жители не могли поддерживать регулярные связи с метрополией. Степные пространства северо-западной части империи Ляо зачастую попадали под контроль недружественных киданям nomads. Не надеясь на помощь имперских войск, киданьские гарнизоны в долине р. Тола могли полагаться только на собственные силы и ресурсы. Поэтому с момента строительства и на протяжении всего времени своего существования северо-западные города заселялись не только военными, но и снабжавшим их всем необходимым гражданским населением. Наличие на незначительной по своим размерам территории в западной части долины Толы высокой концентрации разного рода сооружений, построенных по воле киданьской администрации, свидетельствует об ее особом значении в геополитических планах Ляо. Вероятно, она рассматривалась как опорный плацдарм империи среди неблагонадежного населе-

ния центральноазиатских степей, поэтому должна была сама себя обеспечивать, находясь на «полуавтономном» положении. Выбор киданями для сооружения стратегического плацдарма именно долины Толы был во многом обусловлен наличием здесь пригодных для земледелия площадей и возможности выращивания сельскохозяйственной продукции, столь необходимой военным.

Киданьские гарнизоны, расквартированные в долине Толы, всегда могли в случае необходимости

оперативно отреагировать на неповиновение со стороны номадов, в корне пресекая возможные бунты. Если же дело доходило до военного противостояния, укрепленные киданьские города надолго задерживали у своих стен отряды противника, не давая ему совершать набеги в центр империи. В случае нападения на метрополию непокорные кочевники вынуждены были опасаться удара с тыла, который могли предпринять против них воинские контингенты, расквартированные на северо-западе.

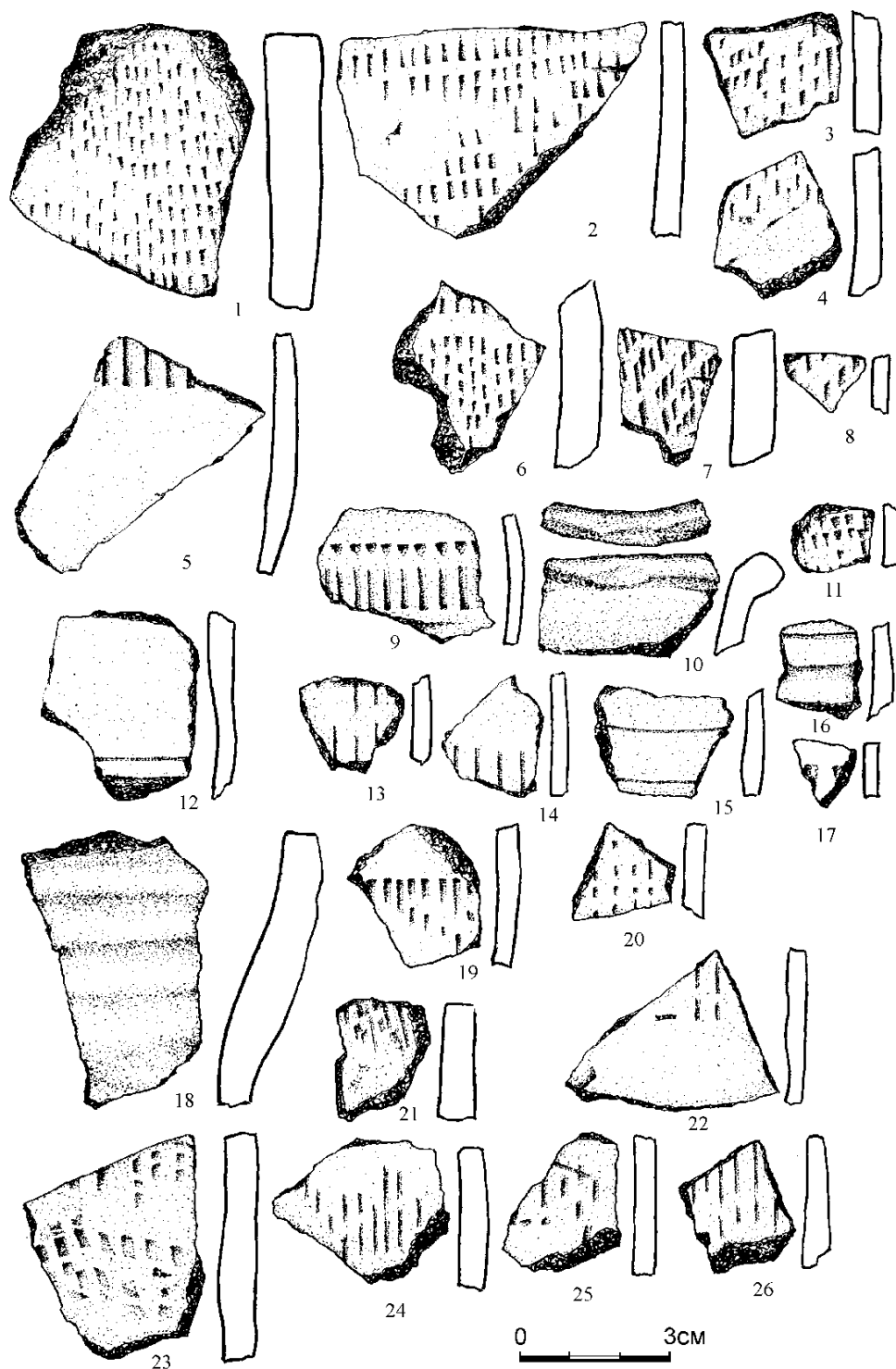

Рис. 3. Киданьская керамика из городищ, расположенных вдоль вала Чингисхана

Другим стратегическим плацдармом империи Ляо на северном пограничье были городища Баруун-хэрэм и Зуун-хэрэм в западной части долины Керулена. Расположенные вблизи друг друга в плодородной долине, они, как и городища на северо-западе, в случае необходимости могли самостоятельно удовлетворять свои потребности в продуктах и ремесленных изделиях. Керуленский стратегический плацдарм, расположенный на 300 км ближе к центру империи, чем плацдарм на Толе, мог надеяться на более оперативную помощь со стороны имперских войск в случае конфликта с номадами, поэтому, вероятно, он не обладал столь разветвленной фортификационно-хозяйственной структурой. Расположенное примерно в 100 км к северу от него городище Углугчийн-хэрэм не походит на остальные киданьские городища, что, возможно, указывает на его иное функциональное назначение. Топография, планиграфия и конструкция этого памятника сближает его с городищами-святилищами, известными на территории Прибайкалья [16–18]. Поэтому, как и Ршаан-Хад, его можно рассматривать как сакральный центр киданей.

Северную границу империи Ляо следует соотносить с пограничным валом длиной 731 км, протянувшимся от верховий реки Улдзи-Гол на западе до реки Гэньхэ на востоке. Его можно рассматривать как пограничную маркировочную линию, служившую по мере необходимости и оборонительным целям. Городища,

расположенные вдоль вала Чингисхана, вероятно, являлись пограничными заставами, призванными не оборонять, а контролировать государственные рубежи.

Наличие в центральной части вала значительного количества городищ-застав, вероятно, свидетельствует о важности этого участка для обороны государства киданей. С географической точки зрения он был наиболее удобен для нападения противника. Здесь отсутствовали естественные преграды, такие как горные хребты, располагавшиеся к северу от западного участка вала, или водные преграды – реки Аргунь и Гэньхэ, защищавшие восточный участок вала. Группы городищ, располагающиеся здесь, образовывали единую эшелонированную оборону важных в стратегическом отношении распадков. Примером подобной тактики могут служить Большой, Малый и Большой квадратный Уртуйские городки, перекрывавшие выходящую к Аргуни падь Уртуй. Городища-заставы перекрывали распадки, удобные для продвижения противника, сдерживая его перемещение вглубь территории империи Ляо [19].

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 13-06-00660 «Социальная планиграфия городов киданьской и монгольской кочевых империй (по данным геомагнитных исследований)».

Статья поступила 30.09.2015 г.

Библиографический список

1. Барфилд Т.Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, Нестор-История, 2009. 488 с.
2. Киданьская керамика из раскопок городища Хаар-Бухийн-балгас (Монголия) / В.В. Свинин, М. Амгалан, С. Бат-Эрдэнэ, А.В. Горбунов, Ж. Жаргалсайхан, Л.Г. Коноваленко, О.В. Тихомиров, Ж. Туул, Л. Энхтүгс // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. 1991. Т. 3. С. 31–33.
3. Киданьский город Чинтолгой-балгас / Н.Н. Крадин, А.Л. Ивлёв, А. Очир, С.А. Васютин, С.В. Данилов, Ю.Г. Никитин, Л. Эрдэнболд; отв. ред. Н.Н. Крадин; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. М.: Вост. лит., 2011. 173 с.
4. Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Киданьские древности Приаргунья // Археология и культурная антропология дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 245–252.
5. Киселев С.В. Древние города Монголии // Советская археология. 1957. № 2. С. 91–101.
6. Киселев С.В. Монголия в древности // Изв. АН СССР. Серия истории и философии. 1947. Т. 4. № 4. С. 355–372.
7. Крадин Н.Н., Ивлёв А.Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). М.: Вост. лит., 2014. 351 с.
8. Пограничные сооружения киданей в Забайкалье / А.В. Луньков, А.В. Харинский, Н.Н. Крадин, Е.В. Ковычев // Известия Лаборатории древних технологий. 2009. Вып. 7. С. 155–172.
9. Приаргунский участок пограничной системы империи Ляо / А.В. Харинский, Н.Н. Крадин, Е.В. Ковычев, А.А. Номонов, З.Ч. Ухинов // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы V Междунар. науч. конф. (Кызыл, 15–19 сент. 2014 г.): в 2 ч. Кызыл: Тувинский. гос. ун-т, 2014. Ч. I. С. 284–289.
10. Пэрлээ Х. К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 271–274.
11. Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // Советская археология. 1957. № 3. С. 43–53.
12. Пэрлээ Х. Киданьские города и поселения на территории Монгольской Народной Республики (X – начало XII в.) // Монгольский археологический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 56–62.
13. Результаты исследования городища Хэрмэндэнж в 2010 г. / Н.Н. Крадин, А.Л. Ивлёв, А. Очир, С.А. Васютин, Л. Эрдэнболд // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая, 2011 г.). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011а. Вып. 2. С. 430–440.
14. Результаты исследования городища Хэрмэндэнж в Монголии 2010–2011 гг. / Н.Н. Крадин, А.Л. Ивлёв, А. Очир, С.Е. Саранцева, С.А. Васютин, Е.В. Ковычев, Л. Эрдэнболд // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Междунар. конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 168–171.
15. Свинин В.В. Две медные монеты из городища Хаар-Бухийн-Балгас (Монголия) // Краеведческие записки / Иркут. обл. краев. музей. 2001. Вып. 8. С. 225–229.
16. Харинский А.В. Капсальские «городища» // Известия Лаборатории древних технологий. 2007. Вып. 5. С. 200–217.
17. Харинский А.В. Кудинские городища-святилища: планиграфия и конструкция // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 2 (22). С. 133–136.
18. Харинский А.В. Топография и конструкция «городищ» маломорского побережья озера Байкал // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и исполь-

зование. 2002. Вып. 2. С. 109–126.

19. Харинский А.В., Крадин Н.Н., Ковычев Е.В. Большой квадратный Уртуйский городок в контексте фортификационных сооружений северной пограничной системы империи Ляо // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани: в 4 т. Т. III. Казань: Отечество, 2014а. С. 480–483.

20. Худяков Ю.С. Материалы культуры киданей на памятнике Рашаан-хад в Хэнтэе // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы III Междунар. науч. конф. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. Вып. 3. Т. 1. С. 473–477.

21. Шавкунов Э.В. Об археологической разведке отряда по изучению средневековых памятников // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 16–23.

22. Kharinskii A. The «Wall of Chingis Khan», Frontier Fortification of the Liao Empire // Sixth worldwide conference of the society for East Asian Archaeology (Mongolia, 6–10 June, 2014). Ulanbaatar: National University of Mongolia, 2014. P. 60.

23. Kradin N.N., Ivlev A.I. Deported nation: the fate of the Bohai people of Mongolia // Antiquity. 2008. V. 82. № 316. P. 438–445.

24. Senda Y., Enkhtur A. Chintolgoi Balgas 2009. Research Report of Liao Dynasty's Castle town site Chintolgoi, Mongolia. Nara University, 2010. 38 p.

25. Senda Y., Enkhtur A. Chintolgoi Balgas 2010. Research Report of Liao Dynasty's Castle town site Chintolgoi, Mongolia. Nara University, 2011. 41 p.

26. The Frontier Fortification of the Liao Empire / A.V. Lunkov, A.V. Kharinskii, N.N. Kradin, E.V. Kovychev // The Silk Road. 2011. № 9. P. 112–129.

27. Usuki Isao, Enkhtur A. Chin tolgoi Balgas 1. Sapporo, 2009. 39 p.

28. Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng. History of Chinese Society. Liao (907–1125). Philadelphia, 1949. 750 p.

29. Очир А., Энхтур А., Эрдэнэболд Л. Хаар бух балгас ба туул голын сам дахь Хятаны Нуийн хот, суурингууд. Улаанбаатар, 2005. 214 тал.

30. Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт, дундад уеин хот суурины товчоон. Улаанбаатар, 1961. 48 тал.

31. Чин Толгой хэрмийн зүүн хойд хаалганы малтлага судалгаа / А. Энхтөр, Г. Батболд, Ц. Буянхишиг, Ё. Сэнда, И. Үсүки, К. Киам // Археологийн судлал. 2013. Боть 33. Дэвтэр 1–25. Тал. 216–225.

32. Чинтолгойн балгасны ваар сав шатаах зуухны малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүн / А. Энхтөр, И. Үсүки, Ё. Сэнда, М. Сагава, Г. Батболд, Ц. Буянхишиг, Д. Отогон // Археологийн судлал. 2011. Боть 30. Дэвтэр 1–14. Тал. 186–199.

УДК 81

НАБЛЮДАТЕЛЬ И НАБЛЮДАЕМОЕ В ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СИНТАГМЫ SHOW + THE WAY)

© Е.Ю. Холдеева¹

Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Евразийский лингвистический институт – филиал Московского государственного лингвистического университета, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 8.

Рассматривается идиоматическое значение синтагмы *show + the way*, зафиксированное в современных словарях. Доказывается, что прямое значение синтагмы, которое не указывается в словарных толкованиях, становится устойчивым и может быть выделено в отдельную словарную статью. Анализируются когнитивные особенности ситуаций, организованных синтагмой *show + the way*. Описываются характеристики участвующего в них Наблюдателя, который выступает в различных ипостасях. Выявляются особенности Наблюдаемого, являющегося дифференцирующим признаком при разделении конструкций с *show + the way* на подгруппы. Выделяются значения синтагмы, которые не зафиксированы в современных словарях.

Ключевые слова: Наблюдатель; Наблюдаемое; Агента; путь; движение; конечная точка; пространство; показ; восприятие.

OBSERVER AND THE OBSERVED IN THE LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF SHOW + THE WAY SYNTAGM)

E.Y. Kholdeyeva

Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia.

Eurasian Linguistic Institute, Branch of Moscow State Linguistic University, 8 Lenin St., Irkutsk, 664025, Russia.

The article considers the idiomatic meaning of the *show + the way* syntagm which is lexicalized in modern dictionaries. It is proved that the direct meaning of the syntagm, which is not indicated in dictionary interpretations, becomes stable and can be described in a separate dictionary article. Cognitive features of the situations organized by the *show + the way* sense group are analyzed as well as various characteristics of the Observer who acts in these situations in different roles. The features of the Observed which helps to divide the constructions with the *show + the way* syntagm into subgroups are described. The meanings of syntagm under discussion, which are not lexicalized in modern dictionaries are identified.

Keywords: the Observer; the Observed; Agent; way; motion; destination; space; show; perception.

¹Холдеева Екатерина Юрьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1 для технических специальностей ИРНИТУ, аспирант МГЛУ ЕАЛИ, тел.: 89501106032, e-mail: ekaterina12081985@mail.ru
Kholdeyeva Ekaterina, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages no. 1 for Technical Specialties of INRTU, Postgraduate of MSLU EaLi, tel.: 89501106032, e-mail: ekaterina12081985@mail.ru